

Н.А. Потапова*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
И МИГРАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ
ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В 1920-Е – НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ**doi:10.31518/2618-9100-2025-5-8
УДК 325.1(47+57)"192/193"

Выходные данные для цитирования:

Потапова Н.А. Государственная политика и миграционные стратегии крестьянской трудовой миграции в 1920-е – начале 1930-х годов // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 84–93. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-08.pdf>

N.A. Potapova*

STATE POLICY AND MIGRATION STRATEGIES
OF PEASANT LABOR MIGRATION
IN THE 1920S–EARLY 1930S**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-8

How to cite:

Potapova N.A. State Policy and Migration Strategies of Peasant Labor Migration in the 1920s–Early 1930s // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 84–93. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-08.pdf>]

Abstract. This article examines the evolution of the Soviet state's policy towards peasant labor migration, or *otkhodnichestvo*, in the 1920s – early 1930s. It demonstrates that during a period of mass urban unemployment, which the authorities attributed to the existence of unorganized peasant migration, the Bolsheviks attempted to restrict this traditional practice of the Russian countryside. Throughout the 1920s and until the introduction of the passport system in the USSR in 1932, a series of measures were adopted to study, account for, and regulate these spontaneous movements, including for the purpose of supplying industry with workers and redistributing them across Soviet regions. The article shows that with the onset of industrialization, the state shifted from the passive measures of the early 1920s to a rigid *etatization* of labor migration to supply the industrial sector with labor. This was driven, in particular, by the fact that under industrialization, the surplus of workers was replaced by a labor shortage. Therefore, a system of *khozyaystvennyye nabory* (economic recruitment) was introduced to redistribute and control labor flows from the countryside. During collectivization, *kolkhozes* (collective farms), fearing the non-fulfillment of agricultural plans, began to obstruct the departure of peasants. In response, the Central Executive Committee (TsIK) and the Council of People's Commissars (SNK) of the USSR issued a decree in 1931 legalizing *otkhodnichestvo* and introducing criminal liability for its disruption. The mass flight of peasants from the villages, triggered by collectivization, often occurred under the guise of legal seasonal work. It was under these conditions that a campaign of passportization began in the country in 1932, aimed at restricting peasants' entry into cities. The introduction of the passport regime, under the threat of repression, significantly limited opportunities for unorganized migration but did not eliminate it completely. The introduction of passports should be viewed as one of the stages in the state regulation of *otkhodnichestvo*, since the previously introduced system of *orgnabory* (organized recruitment) did not cover all spontaneous flows of labor migrants. This measure was not the last—throughout the 1930s, the state continued to refine and tighten regulatory instruments, striving to completely eliminate any unaccounted-for movement.

* Наталья Анатольевна Потапова, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: skna17talya@mail.ru
Natalia Anatolievna Potapova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: skna17talya@mail.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was carried out within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Keywords: peasant labor migration, migration policy, industrialization, organized labor recruitment, passport regime.

The article has been received by the editor on 05.09.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье исследуется эволюция политики Советского государства в отношении крестьянской трудовой миграции, или отходничества, в 1920-е – начале 1930-х гг. Показано, что в период массовой безработицы в городах, причины которой власти видели в существовании неорганизованного отхода крестьян, большевики предприняли попытку ограничить традиционное для российской деревни явление. На протяжении 1920-х гг. и до введения паспортной системы в СССР в 1932 г. был принят ряд мер, направленных на изучение, учет и упорядочивание стихийных передвижений, в том числе для обеспечения промышленности рабочими и их перераспределения по советским регионам. В статье показывается, что с началом индустриализации власть от пассивных мер первой половины 1920-х гг. перешла к жесткому огосударствлению трудовой миграции для обеспечения промышленной сферы трудовыми кадрами. Обусловливалось это, в частности, и тем, что в условиях индустриализации избыток рабочих сменился их дефицитом. Поэтому для перераспределения трудовых потоков из деревни и их контроля была введена система хозяйственных наборов. В период коллективизации колхозы, боясь невыполнения сельскохозяйственных планов, начали препятствовать уходу крестьян, в ответ на это ЦИК и СНК СССР в 1931 г. приняли постановление, легализующее отходничество и вводящее уголовную ответственность за его срыв. Массовое бегство крестьян из деревень, спровоцированное коллективизацией, часто происходило под видом законного отхода на заработки, поэтому в этих условиях в 1932 г. в стране начинается кампания по паспортизации с целью ограничения въезда крестьянам в города. Введение паспортного режима под угрозой репрессий существенно ограничило возможности для неорганизованного отхода, однако не ликвидировало его полностью. Введение паспортов следует рассматривать как один из этапов государственного регулирования отходничества, так как введенная ранее система оргнаборов не охватывала все стихийные потоки трудовых мигрантов. Данная мера не стала последней – на протяжении 1930-х гг. государство продолжало совершенствовать и ужесточать регламентирующие инструменты, стремясь полностью ликвидировать любые неучтенные перемещения.

Ключевые слова: отходничество, миграционная политика, индустриализация, оргнабор, паспортный режим.

Статья поступила в редакцию 05.09.2025 г.

Временная трудовая миграция крестьян в России существовала в форме отходничества. Отход, т.е. выезд сельских жителей за пределы их постоянных мест проживания с целью дополнительного заработка, появился в России еще в XVIII в., а после отмены крепостного права получил новый импульс, приобретая массовый характер в дореволюционный период. Количество отходников ежегодно увеличивалось в начале XX в. приблизительно в 1,2–1,3 раза. В период с 1906 по 1910 г. в европейской части страны было выдано более 14,5 млн годовых паспортов¹. По другим оценкам, на стыке XIX и XX столетий число отходников составляло около трети трудоспособного населения деревни, причем в центральных

¹ Морозов С.Д. Особенности миграции населения России в 1897–1914 гг. // Траектория науки. Международный электронный научный журнал. 2016. Т. 2, № 6 (11). [Электронный ресурс]. С. 4.2. URL: <https://pathofscience.org/index.php/ps/article/view/188> (дата обращения: 10.08.2025).

промышленных губерниях почти половина крестьян отправлялась на заработки вне мест своего проживания². Ограниченное использование рабочих рук, малоземелье, низкая урожайность, природные бедствия, высокий спрос на рабочую силу в промышленности и строительстве, а также прочие факторы вынуждали деревенских жителей заниматься промысловой деятельностью. Некоторые исследователи обоснованно полагают, что участие в отходе вместе с традиционным сельским хозяйством были важнейшим способом выживания крестьян на значительных пространствах России³. Помимо этого, отходничество в дореволюционный период и позднее в уже советском государстве служило переходным этапом перед постоянным переселением крестьянских семей в городские поселения. Поэтому часть ученых это явление оценивает как механизм преодоления аграрного перенаселения в стране, позволявший крестьянам временно покидать деревню для заработка и постепенно адаптироваться к городской среде, смягчая социальные последствия массового переселения в города⁴.

Советское правительство позитивно воспринимало существование отходничества, рассматривая крестьян-отходников как резервную армию рабочего класса страны⁵. Однако уже в 1921 г. массовый приток крестьян на заработки в Москву вызвал обеспокоенность властей ввиду роста безработицы. Согласно отчету Наркомата труда СССР, отходники составляли заметную долю среди учтенных биржами труда безработных, хотя определить их удельный вес в общей статистике на настоящий момент затруднительно. Согласно отчету НКТ СССР за 1926–1927 гг., биржи труда зарегистрировали около 3,6 млн чел., искавших работу. Из них около 818 тыс. (или свыше 20 %) составляли мигранты из деревни. Несмотря на введенные ограничения для неквалифицированных кадров, общее число сельских отходников выросло более чем на 20 % по сравнению с предыдущим периодом⁶.

В связи с увеличением численности незанятого населения в первой половине 1920-х гг. Народный комиссариат труда РСФСР (позднее преобразованный в НКТ СССР) инициировал проведение статистическим отделом данного феномена. Цель состояла в определении ежегодных объемов и главных маршрутов передвижения отходников, выезжающих и въезжающих в волостные округа (губернии), а также в изучении организации этих передвижений. Первое исследование проводилось с 1 марта 1923 г. по 1 марта 1924 г. Впоследствии, в 1926–1927 гг., масштабы изучения увеличились, охватив примерно 82 % сельского населения Советского государства⁷. Несмотря на то, что учет отходников не был всеобъемлющим, на основании собранных данных можно судить о масштабах отхода. В середине 1920-х гг. количество отходников было ниже предвоенных показателей, однако оно стремительно увеличивалось. Так, в 1923–1924 гг. в отхожих промыслах участвовало около 1,7 млн чел., в 1924–1925 – около 2,9 млн, в 1925–1926 гг. – около 3,3 млн⁸, в 1926–1927 гг. – около 3,2 млн, 1927–1928 гг. – около 4 млн, а к 1928–1929 гг. эта цифра достигла около 4,3 млн чел.⁹ За пятилетний период количество деревенских жителей, вовлеченных в отход, увеличилось более чем в 2,5 раза. Среди советских республик первое место по числу временных мигрантов занимала РСФСР, в 1928–1929 гг. здесь было учтено около

² Отходничество [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2699278?ysclid=ldjzrqw8xm785482942 (дата обращения: 10.08.2025).

³ Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск, 2004.

⁴ См., напр.: Суворов К.И. Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917–1930). М., 1968; Рындзюнский П.Г. Крестьянский отход и численность сельского населения в 80-х годах XIX в. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970; Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2008.

⁵ Андрияшин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М., 2012.

⁶ Из отчета Наркомтруда СССР о регулировании рынка труда и борьбе с безработицей за 1926/27 г. // Проект «Исторические Материалы» [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/6182?ysclid=mgnek2c9bz460047356> (дата обращения: 16.10.2025).

⁷ Моисеенко В.М. Отход сельского населения на заработки в СССР в 1920-е годы // Народнонаселение. 2017. № 3 (77). С. 52.

⁸ Там же. С. 55.

⁹ Вопросы труда в цифрах. Статистический сборник за 1927–1930 гг. М., 1930. С. 34–35.

3,6 млн чел., или около 84 % от общей доли промысловиков. Наибольшее количество отходников приходилось на Московскую область – около 402 тыс. чел.

Преимущественно доминировал неземледельческий отход. Так, в 1928–1929 гг. только около 400 тыс. чел. участвовало в сельскохозяйственных промыслах, т.е. всего около 9 % от общей численности промысловиков. Значительную долю составляли чернорабочие, конкурировавшие с горожанами за трудовые места, что усиливало безработицу в СССР, вызванную, помимо прочего, притоком сельских мигрантов. Так, например, в первой половине 1920-х гг. этот показатель мог достигать около 37 %, в то время как к концу десятилетия он снизился почти в 3,4 раза (табл.). Параллельно с этим увеличивалась численность рабочих, приезжавших на сезонные работы в различные отрасли советской экономики, такие как строительство, лесозаготовки, горное дело, добыча торфа, а также на фабрики, заводы и в ремесленные производства (см. табл.). Так, в период с 1923 по 1929 гг. численность занятых в строительстве увеличилась в 4 раза, а в сфере лесозаготовки и сплава леса – в 7 раз.

Таблица

Динамика численности отходников по основным профессиям в СССР в 1923–1929 гг.*

Профессия	1923/1924	1924/1925	1925/1926	1926/1927	1927/1928	1928/1929
Чернорабочие	512,2	1 062,8	746,5	654,2	682,6	461,4
Строители	236,9	452,6	557,2	567,3	754,3	929,6
Рабочие по сплаву и заготовке леса	195,7	126,7	555,2	572,9	889,3	1,374
Фабрично-заводские и ремесленные рабочие	164,0	266,4	398,1	353,4	366,1	347,3
Горнорабочие	62,2	63,7	168,3	136,1	131,7	177,0
Торфяники	81,7	65,3	85,6	125,1	115,7	127,9

Составлено по: Моисеенко В.М. Отход сельского населения на заработки в СССР в 1920-е годы // Народонаселение. 2017. № 3 (77). С. 55; Вопросы труда в цифрах. Статистический сборник за 1927–1930 гг. М., 1930. С. 34–35.

* В таблице не учтены данные ЗСФСР, Узбекской и Туркменской ССР.

Уже к середине 1920-х гг. советское руководство столкнулось с двумя разнонаправленными вызовами: первый – это растущая безработица в городах, в том числе вызванная трудовой миграцией из села, ведущая к социальной нестабильности; второй – потребность индустриализации в новых кадрах на фоне аграрного перенаселения. Разрешить это структурное противоречие большевики попытались через установление жесткого государственного контроля над трудовыми ресурсами, в том числе из деревни. Проводимая политика была нацелена на то, чтобы, упорядочив стихийное перемещение сельского населения, превратить его в управляемый поток, целенаправленно насыщающий рабочей силой приоритетные, в первую очередь сезонные отрасли экономики. Особенно тщательно власти контролировали регионы с массовым притоком отходников. Ключевыми механизмами регулирования рынка труда стали: обязательная регистрация крестьян на биржах труда, установление квот для их приема на предприятия, информирование о потребностях рынка в работниках и централизованная организация набора. Этот процесс растянулся на несколько лет¹⁰.

В первой половине 1920-х гг. на фоне растущей безработицы в стране правительство принимает ряд мер, ограничивающих трудоустройство отходникам. Вводилась практика ограничения или полного запрета приезжих на биржах труда на основании постановлений городских советов, в первую очередь в Москве и Ленинграде. Ранее уже упоминалось, что в 1923 г. Наркомтруд СССР запустил масштабное изучение феномена отходничества. Для этого региональные власти обязывались систематически направлять в центр подробные

¹⁰ Потапова Н.А. Государственное регулирование отходничества в 1920-е годы (на материалах Сибири) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 178–185. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-14.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

отчеты, содержавшие данные о численности, демографическом составе (пол, возраст), профессиональной специализации, сроках миграции и географии работ крестьян-отходников. Данная система мониторинга функционировала в ежегодном режиме вплоть до 1929 г. В августе 1924 г. НКТ СССР принял постановление «О снятии с учета бирж труда некоторых категорий безработных и прекращении регистрации последних»¹¹. Эта мера была направлена и против сельских мигрантов, поскольку право на учет получали только те, кто имел опыт работы по найму, а для чернорабочих был введен обязательный трехлетний стаж. Введенные государством ограничительные меры были слабоэффективными: крестьяне продолжали уезжать на временные работы в регионы, где разворачивались большие строительные проекты.

Начиная со второй половины 1920-х г. советская власть вводит вербовочную систему. Согласно постановлению НКВД и НКТ РСФСР конца января 1925 г., местные власти обязаны были следить за набором кадров для предприятий, находящихся вне постоянных мест проживания крестьян¹². Для реализации этой цели создавались специальные вербовочные бюро, занимавшиеся привлечением крестьянской рабочей силы в основные отрасли сезонной занятости. Однако сельчане часто отказывались от предложенных государством условий, поскольку нередко сталкивались с проблемами оплаты труда, организации быта и транспортировки¹³. Это привело к передаче полномочий по проведению вербовки биржевым службам труда, начиная с 1926 г. теперь они собирали группы рабочих на основании заявок предприятий и отправляли их на производство. Такой подход был направлен на сокращение, а в дальнейшем полное уничтожение стихийных процессов ухода крестьян на заработки. Также принимаемые меры должны были разгрузить города от переизбытка рабочей силы и перенаправить трудовые резервы в те отрасли и регионы, которые нуждались в них, возложив ответственность за выполнение этой задачи на службы бирж труда. Биржам поручалось гарантировать трудоустройство всех отходников, а в случае невозможности нахождения подходящей вакансии обеспечивать направление на альтернативную работу либо возвращение обратно в родные деревни.

Еще одним шагом в создании регулируемого рынка труда стала организация НКТ СССР в регионах с высоким уровнем отхожего промысла специальной сети корреспондентско-информационных пунктов. В 1927 г. было создано 929 таких учреждений. Их функционал включал учет отходников, содействие в вербовке рабочей силы через биржи труда и хозорганы, а также непосредственную отправку рабочих на государственные предприятия. Часть подразделений также располагалась в сельских районах, куда прибывала основная масса сезонных работников. Благодаря этой сети власти обладали информацией о масштабах и направлениях миграции для ее планового регулирования. Однако созданная сеть не охватывала всей территории Советского государства, поэтому собираемые сведения были фрагментарны. Государство предприняло попытку не просто реагировать на миграционные потоки, а создать полноценную систему для их управления и контроля на всех этапах – от места отправления до места работы.

С окончанием нэпа и стартом форсированной индустриализации в годы первой пятилетки изменились и потребности экономики в рабочей силе. В условиях форсированной индустриализации роль сезонных отраслей в народном хозяйстве существенно возросла. На этом этапе избыток кадров сменился их дефицитом, советская промышленность испытывала острую потребность в трудовых ресурсах, для покрытия которой привлекались жители деревень. Меры, принимаемые с 1927 г., по-прежнему были направлены на дальнейшее ограничение стихийного отхода и установления контроля над ним для обеспечения советской промышленности необходимыми кадрами, тем самым ликвидировав дисбаланс между регионами с избытком и нехваткой рабочих рук. В ряд городов, в числе которых Москва,

¹¹ Постановление НКТ СССР от 7 августа 1924 г. № 349/266 «О снятии с учета бирж труда некоторых категорий безработных и прекращении регистрации последних».

¹² Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 796. Л. 5.

¹³ ГАО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 22–23.

Ленинград, Ярославль, Псков, Ростов-на-Дону, Грозный, Харьков, Одесса, Минск, Фрунзе и пр., где особенно остро ощущалась безработица, в указанный период был закрыт въезд для сельских жителей, приезжающих в неорганизованном порядке¹⁴. Кроме того, в конце марта 1929 г. СНК РСФСР принял постановление «О мерах по регулированию притока сезонной рабочей силы в города Москву и Ленинград и в районы постройки Туркестано-сибирской железной дороги», которое запрещало брать на учет чернорабочих и подростков из числа временных трудовых мигрантов, прибывавших стихийно¹⁵.

Полномочия Наркомата труда СССР были расширены, теперь в его компетенцию входила организация вербовки рабочей силы. Был введен так называемый разрешительный порядок найма, при котором единственным законным основанием для этого становились специальные соглашения, заключаемые между предприятиями и органами НКТ. Данные документы делегировали право на проведение набора либо самим предприятиям (государственным, общественным или частным), либо напрямую представителям государственной власти. Все прочие методы вербовки, включая деятельность частных посредников и прямую рассылку предложений о работе, были запрещены.

Усиливала принятые меры еще одна значительная трансформация в регулировании отхожих промыслов, принятая в конце 1920-х гг. Ключевым нововведением стало установление прямых связей между отходниками и предприятиями, которые получили широкие полномочия по самостоятельному найму и направлению крестьян на работу. Другим важным элементом этой политики стало закрепление определенных категорий сезонных рабочих за конкретными предприятиями и территориями. По завершении сезона формировались списки рабочих, обязанных вернуться на то же предприятие в следующем году. Данная мера, с одной стороны, существенно ограничивала свободу выбора места работы для крестьян, гарантируя им приоритетное трудоустройство, с другой – такая система «приписывания» обеспечивала сезонные отрасли стабильным и предсказуемым контингентом работников. Параллельно с этим происходило территориальное закрепление: районы, поставлявшие рабочую силу, прикреплялись к регионам, испытывавшим в ней потребность¹⁶. Важным следствием этих изменений стала утрата биржами труда их прежних функций по регулированию отхожих промыслов.

Принятые в стране меры имели частичный успех в вопросе регулирования мобильности трудовых потоков, хотя отходничество трудно поддавалось государственному контролю. Так, в 1927 г. в результате организованного найма по договорам на сахарные заводы, свекловичные плантации, торфяные работы, кирпичное производство, строительство, лесозаготовки и рыбные промыслы было принято 1,7 млн рабочих¹⁷, в то время как около половины не было вовлечено в эту систему. Кроме того, динамика роста организованного отходничества хорошо прослеживается в отчете Правительства СССР осени 1929 г. Согласно документу, доля строительных рабочих, ушедших на заработки в организованном порядке, демонстрировала устойчивый рост: если в мае 1927 г. этот показатель составлял лишь 11,1 %, то через год он увеличился вдвое, достигнув 22,8 %. К 1929 г. тенденция усилилась: в первой половине мая организовано вышли на работу уже 54,1 % рабочих, а во второй половине месяца – 47,6 %¹⁸.

Процесс коллективизации скорректировал складывающуюся систему управления миграционными потоками сельской рабочей силы. В условиях кадрового голода отказ от труда крестьян-отходников в индустриальной сфере не представлялся возможным. Сама кампания, связанные с ней репрессии и создаваемая в деревне система коллективного хозяйствования, требующая от местных властей выполнения производственных планов и подталкивающая последних препятствовать отходу крестьян на временные промыслы и сезонные работы,

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1033. Л. 178.

¹⁵ СЗ СССР. 1929. № 27. Ст. 288.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-532. Д. 1379. Л. 59–62.

¹⁷ Шмидт В. Ближайшие задачи Наркомтруда // Вопросы труда. 1926. № 4. С. 4.

¹⁸ Из материалов к отчету правительства СССР за 1928/29 г. [Электронный ресурс] // Проект «Исторические материалы» URL: <https://istmat.org/node/8768?ysclid=mgq5bkzgyd794649512> (дата обращения: 01.09.2025).

вероятно, привели к сокращению числа отходников. Данные об их численности в 1930 г. отсутствуют, но Наркомат труда СССР в 1929–1930 гг. сообщал, что спрос на рабочую силу удовлетворялся лишь на одну треть, видя главную причину такой нехватки в недостатке трудовых мигрантов. В проекте плана НКТ СССР на этот период ожидалось получение 782 тыс. чел. из деревни, но в реальности намеченная цифра не была достигнута, отмечалось, что село «не дало того количества рабочих, на которое строительство рассчитывало. Вербовка, предпринимаемая органами труда и хозорганами еще до начала полевых работ, не покрывала всей потребности в рабочей силе; в период уборочной кампании она повсеместно дала очень незначительные результаты»¹⁹.

Дефицит кадров в промышленной сфере требовал строгой регламентации от государства. Уже в марте 1930 г. было принято Постановление НКТ СССР, ВСНХ СССР, НКЗ СССР, НКТ РСФСР и Колхозцентра СССР «О порядке направления рабочей силы из колхозов на работы в сезонные отрасли народного хозяйства», на основании которого на колхозцентры возлагалась задача по выполнению планов по обеспечению промышленности и сезонных отраслей рабочей силой²⁰. Для этого необходимо было заключать договоры, с одной стороны, с НКТ СССР или хозяйственными органами, а с другой – с правлениями колхозов. По утвержденной процедуре колхозы за неделю должны были составить планы по выделению рабочих, затем в течение трех дней организовать их набор. Каждому колхознику выдавался наряд с указанием места и срока начала работ. При этом часть его заработной платы подлежала последующему отчислению в колхоз. Невыполнение такого наряда считалось нарушением постановления правления и внутреннего распорядка.

Помимо коллективной вербовочной системы, продолжало сохраняться индивидуальное отходничество, так как в условиях дефицита разнорабочих в промышленной сфере, в том числе в строительстве, на лесозаготовках, сплавах и т.д., отказ от труда сельских мигрантов в индустриальной сфере не представлялся возможным. Однако создаваемая в деревне система коллективного хозяйствования требовала от местных властей выполнения производственных планов, что заставляло последних препятствовать уходу крестьян на временные промыслы и сезонные работы. В сложившихся условиях власти сделали ставку на индустриальное развитие страны. В середине марта 1930 г. СНК СССР издало Постановление «Об устранении препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промыслы и сезонные работы». Данный документ не только запрещал создавать преграды для отходников, но и вводил уголовную ответственность для тех, кто пытался нарушить данное указание, ответственность за исполнение этого распоряжения возлагали на председателей окружных и районных исполнительных комитетов²¹. Принятая мера, по сути, легализовала процесс бегства крестьянства от политики коллективизации и раскулачивания под прикрытием отходнических промыслов. Как следствие, спустя лишь год последовала новая законодательная инициатива, направленная на исправление положений весеннего документа 1930 г.

Уже в июле 1931 г. И.В. Сталин на совещании хозяйственников рекомендовал местным властям пополнять промышленность кадрами из села через централизованную систему договоров между хозяйственными организациями и колхозами²². Через неделю после этого выступления вышло совместное Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. № 10/458 «Об отходничестве»²³. В очередной раз государство объявило о намерении бороться с бесконтрольной сельской миграцией как с целью найма на работу, так и с целью изменения места жительства. Партия предоставляла альтернативу в виде контролируемой и управляемой системы – систему организационного набора, участие в которой поощрялось льготами стимулирующего характера. Крестьяне, не заключавшие договор с хозяйственными

¹⁹ Из конъюнктурного обзора Наркомтруда СССР о выполнении плана по труду за 1929/30 г. // Проект «Исторические материалы» [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/8821?ysclid=mgq52sx16c138613205> (дата обращения 01.09.2025).

²⁰ Известия НКТ СССР. 1930. № 8. С. 164–165.

²¹ СЗ СССР. 1930. № 18. Ст. 206.

²² Правда. 1931. 5 июля.

²³ СЗ СССР. 1931. № 42. Ст. 286.

органами, не могли претендовать на их получение, а нарушение договорных обязательств рассматривалось как основание для лишения правительственных субсидий, к числу которых относилось освобождение от денежных отчислений, сельскохозяйственного налога. Также постановление гарантировало трудоустройство в колхозе после завершения срока договора с хозорганами, часть урожая по установленным ценам. Кроме того, семьи отходников также пользовались определенными преференциями. Так, например, местная администрация обязывалась обеспечить их продуктами питания в равном количестве с другими членами колхоза, дети отходников получали преимущество при поступлении в школы, на курсы и т.д. Льготы предоставлялись и единоличникам, но в меньшей степени. Для них вдвое уменьшался сельскохозяйственный налог с неземледельческих заработков.

Согласно июньскому Постановлению 1931 г., преференции предоставлялись и колхозам, активно содействовавшим отходничеству. Власти на уровне предприятий и республик должны были оказывать поддержку в культурно-бытовом и экономическом развитии тех сельских поселений, которые добросовестно выполняли договорные обязательства по найму и поставляли наибольшее число рабочих для промышленности. Формами такой поддержки выступало строительство объектов социальной инфраструктуры (школ, клубов, детских садов), преимущественное снабжение сельскохозяйственной техникой, организация пунктов общественного питания (столовых) и др.

Предполагалось, что новый документ решит две ключевые задачи: ликвидирует «кадровый голод» в промышленности за счет притока крестьян и остановит массовое бегство населения из деревень, поставив стихийную миграцию под государственный контроль. Традиционное отходничество тем самым превращалось в централизованную систему снабжения предприятий рабочей силой. Для стимулирования участия в этой системе на хозяйственные организации возлагались конкретные обязанности по материальной поддержке отходников. Они должны были обеспечивать их суточным содержанием, компенсировать расходы на жилье, питание и проезд. Особо оговаривалась ответственность по предоставлению жилья, что в условиях острейшего городского жилищного кризиса было ключевой мерой, защищавшей мигрантов от бездомности. Административная процедура также была четко регламентирована. При отправке на работу правление колхоза выдавало крестьянину специальную справку. Этот документ подтверждал его членство в колхозе и давал право на временное проживание в городе на срок действия трудового договора. Важно, что такая справка легализовывала въезд даже в закрытые для свободного перемещения местности, доступ в которые был ограничен Постановлением НКТ СССР 1927 г.

Тем не менее Постановление 1931 г. имело ряд ограничений. Сфера действия данного положения ограничивалась отраслями, наиболее важными для индустриализации и испытывавшими острую нехватку рабочей силы. К их числу относились лесозаготовки, сплав, торфоразработки, строительство, транспорт и др. В октябре и декабре 1931 г. вышли новые распоряжения Совнаркома, распространяющие Постановление от 30 июня 1931 г. на отходников-охотников, которые нанимались к заготовителям пушно-мехового сырья²⁴, а также на предприятия связи²⁵. Указанные отрасли не предъявляли высоких требований к квалификации персонала и могли комплектоваться за счет сельских трудовых ресурсов. Отдельный регламент устанавливался для работников, обладавших дефицитными специальностями (угольщик, торфодобытчик, плотник, каменщик и т.п.), в которых остро нуждалась промышленность. Для них создавались льготные условия, по сути освобождавшие от сельхозработ: директива обязывала колхозную администрацию оставлять таким специалистам лишь минимальный объем обязанностей в деревне.

Эффективность постановления, судя по всему, была ограниченной. Если в 1931 г. общая численность отходников достигла 5 454 тыс. чел. (включая заключивших хозяйственный договор)²⁶, а их доля среди колхозников по весенней переписи составила 10,9 %,

²⁴ СЗ СССР. 1931. № 63. Ст. 410.

²⁵ Там же. №. 72. Ст. 482.

²⁶ Вдовин А.И., Дробизhev В.З. Рост рабочего класса: 1917–1940 гг. М., 1976. С. 120.

что значительно превышало показатели 1928–1929 г. (7,2 %)²⁷, то уже в следующем году их количество резко сократилось почти в 1,5 раза – до 3,6 млн. Это падение, вероятно, стало прямым следствием введения в 1932 г. паспортной системы и связанных с ней ограничений на внутреннюю миграцию. С 1933 г. в официальной документации отображалась только численность крестьян, нанятых на работу через систему оргнаборов. Однако это не значит, что государству удалось полностью справиться с неорганизованным отходничеством. Кампания по паспортизации населения не означала уничтожения рассматриваемого феномена, хотя и были введены строгие наказания за нарушения режима. На протяжении 1930-х гг. советское правительство приняло ряд дополнительных мер, регулирующих отход сельского населения на заработки в условиях паспортизации²⁸.

Таким образом, на протяжении 1920–1930-х гг. государственная политика в отношении крестьянской трудовой миграции (отходничества) прошла сложную эволюцию – от попыток ограничения и упорядочивания до жесткого централизованного контроля, интегрированного в задачи форсированной индустриализации и коллективизации. В восстановительный период нэпа власти, столкнувшись с противоречием между ростом городской безработицы и потребностями экономики в сезонной рабочей силе, пытались регулировать стихийный отход через биржи труда, вербовку и систему информирования. Однако эти меры оказались малоэффективными и масштабы миграции продолжали расти. С началом индустриализации и коллективизации подход государства кардинально изменился. Из явления, которое стремились ограничить, отходничество было превращено в инструмент мобилизации трудовых ресурсов для нужд промышленности. Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. окончательно закрепило переход к централизованной системе организованного набора (оргнабора). Эта система, основанная на договорах между колхозами и хозорганами и подкрепленная системой льгот для отходников, была призвана ликвидировать стихийную миграцию и обеспечить плановое распределение рабочей силы. Для ограничения массового бегства крестьян от коллективизации в 1932 г. была запущена кампания по паспортизации, которая административно ограничила передвижение сельчан, однако отходничество оставалось одним из каналов трудовой миграции. Введение таких документов можно рассматривать как один из этапов государственного регулирования отходничества, так как введенная ранее система оргнаборов не охватывала все стихийные потоки трудовых мигрантов. Данная мера не стала последней – на протяжении 1930-х гг. государство продолжало совершенствовать и ужесточать регламентирующие инструменты, стремясь полностью ликвидировать любые неучтенные перемещения.

Литература

Андрюшин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый хронограф, 2012. 464 с.

Вдовин А.И., Дробизhev В.З. Рост рабочего класса: 1917–1940 гг. М.: Мысль, 1976. 264 с.

Кесслер Х. Коллективизация и бегство из деревни – социально-экономические показатели. 1929–1939 гг. // Экономическая история. Обзор. М., 2003. Вып. 9. С. 77–79.

Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск: Социум, 2004. 757 с.

Моисеенко В.М. Отход сельского населения на заработки в СССР в 1920-е годы // Народонаселение. 2017. № 3 (77). С. 51–62.

Морозов С.Д. Особенности миграции населения России в 1897–1914 гг. // Траектория науки. Международный электронный научный журнал. 2016. Т. 2, № 6 (11). [Электронный ресурс]. С. 4.2. URL: <https://pathofscience.org/index.php/ps/article/view/188> (дата обращения: 10.08.2025).

²⁷ Колхозы весной 1931 года: статистическая разработка отчетов колхозов об итогах весеннего сева 1931 года. М., 1932. С. 107–108.

²⁸ Potapova N.A. Soviet Migration in the Context of Passportization in the Early 1930s // Gumilyov Journal of History 2025. Vol. 151, № 2. P. 64–80.

Отходничество // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2699278?ysclid=ldjzrqw8xm785482942 (дата обращения: 10.08.2025).

Потанова Н.А. Государственное регулирование отходничества в 1920-е годы (на материалах Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 178–185.

Рындзюнский П.Г. Крестьянский отход и численность сельского населения в 80-х годах XIX в. // Проблемы генезиса капитализма. М.: Наука, 1970. 245 с.

Северо-Запад в аграрной истории России / под ред. В.Н. Никулина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. 272 с.

Суворов К.И. Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917–1930). М.: Мысль, 1968. 258 с.

Potapova N.A. Soviet migration in the context of passportization in the early 1930s. // Gumilyov Journal of History 2025. Vol. 151, № 2. P. 64–80.

References

Andryushin, E.A. (2012). *Iz istorii trudovogo zakonodatel'stva SSSR i politiki sovetskogo pravitel'stva v oblasti trudovykh resursov* [From the History of USSR Labor Legislation and the Policy of the Soviet Government in the Field of Labor Resources]. Moscow, Novyy khronograf. 464 p.

Kessler, G. (2003). Kollektivizatsiya i begstvo iz derevni – sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 1929–1939 gg. [Collectivization and Flight from the Village – Socio-Economic Indicators. 1929–1939]. In *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Moscow. Vol. 9, pp. 77–79.

Kulisher, I.M. (2004). *Istoriya russkogo narodnogo khozyaystva* [History of the Russian National Economy]. Chelyabinsk, Sotsium. 757 p.

Moiseenko, V.M. (2017). Otkhod sel'skogo naseleniya na zarabotki v SSSR v 1920-e gody [The Departure of the Rural Population to Earn Money in the USSR in the 1920s]. In *Narodonaselenie*. No. 3 (77), pp. 51–62.

Morozov, S.D. (2016). Osobennosti migratsii naseleniya Rossii v 1897–1914 gg. [Features of Population Migration in Russia in 1897–1914]. In *Traektoriya nauki. Mezhdunarodnyy elektronnyy nauchnyy zhurnal*. No. 6 (11), pp. 4.1–4.10. Available at: URL: <https://pathofscience.org/index.php/ps/article/view/188> (date of access 10.08.2025).

Nikulin V.N. (Ed.). (2008). *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii* [North-West in the Agrarian History of Russia]. Kaliningrad, Izdatel'stvo RGU imeny I. Kanta. 272 p.

Otkhodничество [Otkhodничество]. In *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya*. Available at: URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2699278?ysclid=ldjzrqw8xm785482942 (date of access 10.08.2025).

Potapova, N.A. (2023). Gosudarstvennoe regulirovanie otkhodnichestva v 1920-e gody (na materialakh Sibiri) [State Regulation of Otkhodnichestvo in the 1920s (Based on Materials from Siberia)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 1 (27), pp. 178–185.

Potapova, N.A. (2025). Soviet migration in the context of passportization in the early 1930s. In *Gumilyov Journal of History*. No. 151 (2), pp. 64–80.

Ryndzyunsky, P.G. (1970). Krest'yanskiy otkhod i chislennost' sel'skogo naseleniya v 80-kh godakh XIX v. [Peasant Departure and the Number of Rural Population in the 1880s]. In *Problemy genезиса kapitalizma*. Moscow, Nauka, pp. 245–260.

Suvorov, K.I. (1968). *Istoricheskiy opyt KPSS po likvidatsii bezrabortitsy (1917–1930)* [The Historical Experience of the CPSU in Eliminating Unemployment (1917–1930)]. Moscow, Mysl'. 258 p.

Vdovin, A.I., Drobizhev, V.Z. (1976). *Rost rabocheго klassa: 1917–1940 gg.* [The Growth of the Working Class: 1917–1940]. Moscow, Mysl'. 264 p.